

политика

А.Е.Денисов

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО КРЯШЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Андрей Евгеньевич Денисов — научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань). Для связи с автором: Count-Denisov@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу роли религиозного фактора в развитии субэтнического национального движения на примере кряшен. В основу исследования легла концепция религиозного возрождения Хосе Казановы. Вслед за Казановой автор исходит из того, что религиозная идентификация может стать основой этнической идентичности только в случае трансформации религии из государственно-ориентированного института в институт, ориентированный на общество и активно участвующий в его улучшении. Вместе с тем, раскрывая динамический характер процесса формирования (суб)этнических групп, А.Денисов опирается на этносимволическую концепцию Джона Хатчинсона, делающую упор на тот вклад, который вносят в этот процесс этнически значимые символы. В случае кряшен таким символом выступает религиозный маркер.

В статье подробно рассматриваются два этапа кряшенского религиозного возрождения, первый из которых приходится на вторую половину XIX в. и связан прежде всего с миссионерской деятельностью Николая Ильминского, а второй охватывает период с 1989 г. по сегодняшний день. Проведенное автором исследование однозначно указывает на то, что религия сыграла ключевую роль в становлении самобытной кряшенской этнокультурной идентичности. В то же время в нем показано, что в религиозности кряшен вектор направлен не от религии к обществу, а от общества к религии. Их религиозная идентичность инструментальна. Но хотя в кряшенском сообществе крайне мало ультрарелигиозных людей и большинство кряшен настроено секулярно, религия остается одним из важнейших маркеров их этнической идентичности.

Ключевые слова: идентичность, кряшены, национализм, национальное движение, религиозное возрождение, Русская православная церковь, этнополитическая мобилизация

Возникновение субэтнических групп — длительный процесс, который вначале происходит внутри единой нации, но затем приобретает внешнее измерение. Это сопряжено с нарастанием противоречий с «ядром» нации, обусловленным постепенным расхождением в представлениях о путях развития народа. Согласно этносимволической концепции национализма Джона Хатчинсона, субэтническое движение берет курс на отделение от «ядра» нации в том случае, когда видит альтернативные варианты своего развития¹. Триггером создания субэтносом альтернативного нарратива развития нередко становится иное, нежели у доминирующей части нации, вероисповедание. Более того, в подобных ситуациях именно религия, как правило, образует фундамент формирующейся субэтнической идентичности.

¹ Delanty et al. 2008: 7—8.

В знаменитой книге Урса Альтерматта «Этнонационализм в Европе» приводится вопрос, который задавался респондентам в ходе одного из социологических обследований: «Вы нидерландец, американец или швейцарец, который случайно является католиком, или Вы католик, который случайно является нидерландцем, американцем или швейцарцем?»² В западных странах люди ставили национальность выше религии. Можно предположить, что в мусульманских странах дело обстояло бы противоположным образом. Однако в случае с субэтническими группами, где маркером идентичности выступает религия, не годится ни один, ни другой вариант. Они нераздельны. Несмотря на то что внутри такого субэтнуса могут быть атеисты или даже приверженцы других религий, в их этнической идентичности содержатся религиозные элементы, которые формируют и легитимируют ее. Если попытаться «очистить» эту идентичность от религиозной составляющей, результатом станет либо ассимиляция соответствующей этнической группы, либо создание вокруг нее зоны конфликта.

² Альтерматт 2000: 142—143.

Настоящая статья посвящена анализу роли религиозного фактора в развитии субэтнического национального движения на примере кряшен. В основу исследования легла концепция религиозного возрождения известного американского социолога религии Хосе Казановы³.

³ Casanova 1994.

Концепция религиозного возрождения Хосе Казановы

Импульсом к обращению Казановы к проблематике религиозного возрождения послужили процессы, развернувшиеся на территории бывшего Советского Союза после его распада. Под влиянием этих процессов исследователь пришел к мысли о необходимости переосмысления связи религии и современности и той роли, которую играет религия в общественной жизни. Отправной точкой его рассуждений стали доминировавшие в то время представления о секуляризации, согласно которым по мере развития общества религия маргинализируется, что проявляется в дифференциации светских и религиозных сфер общества с последующим отделением первых от вторых (например, школы от церкви) и общем упадке религиозного сознания⁴.

⁴ Casanova 2019: 20.

Эти представления, восходящие еще к эпохе Просвещения, базируются на общепризнанных тенденциях общественного развития. Прежде всего речь идет об индустриализации и пролетаризации крестьянства, бывшего одной из основных опор религиозных институтов⁵. Секуляризационный эффект имела и демократизация, следствием которой был уход Церкви с политической авансены, что, в свою очередь, способствовало росту самостоятельности граждан в их суждениях по широкому кругу вопросов, ранее регламентировавшихся духовенством⁶. Наконец, почву для секуляризации создавала бюрократизация — через формализацию государственного управления и отделение светских вопросов от религиозных⁷.

Не отрицая обоснованности подобных соображений, Казанова вместе с тем подчеркивает, что не все так однозначно и религия на современном этапе может занимать разное положение. Религиозные институты могут действовать на государственном уровне, на уровне политического сообщества⁸ и на уровне гражданского общества⁹. Особого внимания здесь заслуживает третий уровень, ибо именно там религия способна наиболее гармонично взаимодействовать с обществом. Называя выдвигание этого уровня на первый план трансформацией религии из государственно-ориентированного института в институт, ориентированный на общество, Казанова выделяет три признака, позволяющих говорить о такой трансформации:

- 1) религия вносит вклад в улучшение общества, в продвижение прав и свобод человека;
- 2) религия борется против сомнительных или откровенно негативных в этическом плане решений светских властей;
- 3) религия принимает активное участие в защите частных сфер от проникновения в них государства¹⁰.

По мнению Казановой, представление о том, что, в отличие от светских людей, которые мыслят и действуют самостоятельно, будучи рациональными автономными личностями, люди религиозные заведомо несвободны, есть не более чем предрассудок¹¹. При переходе на уровень гражданского общества религиозные институты становятся частью этого общества, и их члены являются свободными людьми.

Если попытаться кратко передать главную идею Казановой, то она заключается в том, что в современном мире религии перестают существовать отдельно, в своей собственной сфере и стремятся модернизироваться, дабы активно включиться в общественно-политическую жизнь. Это — основа религиозного возрождения, которое приобретает множество форм. В настоящей статье речь пойдет о религиозном возрождении как факторе этнополитической мобилизации крышенского субэтноса. Однако прежде чем переходить к его обсуждению, целесообразно вкратце охарактеризовать феномен религиозного активизма и его роль в (суб)этнических движениях.

⁵ *Cantoni, Dittmar, and Yuchtman 2018: 2045.*

⁶ *Бедерсон 2019: 177.*

⁷ *Martin 2005: 20.*

⁸ *В данном случае имеются в виду не политические партии или общественно-политические движения, образованные по конфессиональному признаку, вроде ХДС в Германии, а разного рода объединения, противостоящие секуляризации, отстаивающие права и привилегии религиозных институций или нацеленные на борьбу против какой-то конкретной конфессии.*

⁹ *Casanova 2001: 1047.*

¹⁰ *Casanova 2009: 28.*

¹¹ *Casanova 2014: 31.*

**Религиозный
активизм
и этнические
движения**

Говоря об онтологических особенностях религиозного активизма, прежде всего надо различать две его версии. В первом случае это движение от религии к обществу, когда священнослужители, глубоко верующие индивиды и, более широко, все, кто входит в сферу влияния религиозных институтов, пытаются взаимодействовать с обществом от имени религии. Соответствующая коллективная деятельность может протекать в самых разных формах — от продвижения религиозного образования в школах и лоббирования религиозных интересов в светском общественном пространстве до разжигания межрелигиозной вражды¹².

¹² *Wibisono, Louis, and Jetten 2019: 1.*

Второй вариант — это движение от общества к религии. Здесь стоит обратить внимание на особый вид идентичности, в котором этнический компонент переплетен с конфессиональным. Подобная идентичность обычно складывалась на стыках конфессиональных пространств с характерными для них межрелигиозными войнами (в частности, между католиками и православными, а также католиками и протестантами¹³). Весьма показателен в этом плане случай Польши, в самосознании жителей которой этническая идентичность тесно связана с религиозной.

¹³ *Hutchinson 2005: 165.*

Другими словами, речь идет о ситуациях, когда общество обращается к религии как к инструменту, в том числе для создания «резервных копий» своей идентичности в условиях регулярных исторических катаклизмов, так или иначе задевающих этнические группы. Именно так обстояло дело с кряшенской общиной. Православие для кряшен — нечто большее, нежели просто религия, понимаемая в терминах отправления религиозных обрядов. Это нераздельная часть их этнической идентичности, которую они смогли сохранить, не имея почти никакой собственной религиозной инфраструктуры.

**Миссионерская
деятельность
Николая
Ильминского
как начальный этап
этнополитической
мобилизации
кряшен**

Кряшены являются субэтносом внутри единой татарской нации, в основе идентичности которого лежит религиозный маркер. В отличие от большинства татар кряшены исповедуют не ислам, а православие.

Специфика кряшенского субэтнического движения во многом определяется чередованием этапов культурного и политического национализма¹⁴. Следует отметить, что именно в рамках культурного национализма, делающего акцент на развитии и восстановлении уже имеющих культурных оснований этнической идентичности, происходит формирование внутренней идентичности («внутреннего самосознания» в терминологии Чарльза Тейлора¹⁵), часто сопровождающееся обращением к религии. В случае кряшен последняя фактически и заложила фундамент национального (субэтнического) движения.

¹⁴ *Денисов 2017: 53—54.*

¹⁵ *Taylor 1994: 26.*

На наш взгляд, первым этапом кряшенского движения следует считать деятельность православных миссионеров во главе с Николаем Ильминским в среде крещеных татар с середины XIX в. до 1914—1917 гг. Что касается самого Ильминского, то его миссионерская деятельность дала импульс внутренней самоидентификации кряшенского населения через привнесение этнически значимых символов в виде православия

и кряшенского языка. Это стало возможно благодаря решению двух острейших проблем, стоявших перед кряшенским обществом в середине XIX в. Речь идет об отсутствии как собственного литературного языка, так и образованной прослойки, в связи с чем у кряшен не было своей интеллигенции, которая могла бы возглавить национальное движение.

Роль Ильминского в создании основ этнической идентичности кряшен и ее тесной связи с религией отчетливо видна на примере предложенного им решения проблемы образования.

Плачевная ситуация с образованностью в кряшенской среде обуславливалась несколькими причинами. Поскольку кряшены не говорили по-русски, доступ в светские учебные заведения и русские церковно-приходские школы был для них практически закрыт, а посещать мусульманские учебные заведения им мешало вероисповедание. При этом никакой сколько-нибудь разработанной концепции инородческого образования у Русской православной церкви тогда не было¹⁶. Как следствие, кряшены оказывались маргиналами в православном поле Российской империи.

Заслуга Ильминского заключается в том, что он нашел способ исправить это положение. Отказавшись от принципа инородческого образования на русском и церковно-славянском языках, он вместе с тем не стал делать ставку на внедрение в систему обучения кряшен литературного татарского языка. Было решено, что обучение будет вестись на кряшенском говоре. В основе подхода Ильминского лежала знаменитая концепция «народного образования» Константина Ушинского, адаптированная к конкретной ситуации, сложившейся в кряшенской общине.

Итогом этой работы стало открытие сети кряшенских учебных заведений, более известных как крещено-татарские школы. В дальнейшем именно они и стали кузницей кадров для кряшенского национального движения. Значение этих школ трудно переоценить. Благодаря им была не только решена проблема образованности кряшен, но и создана первая кряшенская интеллигенция, продолжившая дело этнополитической мобилизации кряшен (что в планы самого Ильминского вряд ли входило).

Важно отметить, что доминирующую роль в крещено-татарских школах играло православие. Более того, обучение в такой школе напрямую связывало с ним личные и общественные цели учащихся, приравнивая вероисповедание к этнической принадлежности и продвигая идею о необходимости постоянной борьбы за признание своей этничности с помощью религиозного маркера.

Но все это было бы полумерой, если бы не был создан литературный кряшенский язык. Хотя к середине XIX в. уже существовали переводы Библии на татарский язык¹⁷, проблемы это не решало. Во-первых, переводы эти базировались на арабской графике (которой кряшены не владели), а во-вторых, литературный татарский язык был настолько далек от народного кряшенского говора, что кряшены плохо его понимали. Как отмечают татарские филологи, даже сегодня кряшенский язык включает в себя как минимум два особых говора — говор мишарского (западного)¹⁸ и говор казанского (среднего) диалектов татарского языка¹⁹.

¹⁶ Фокин 2016b: 81.

¹⁷ Кириллова 2016: 679—680.

¹⁸ Хайбуллина 2013: 24.

¹⁹ Атнагулов 2016: 316.

Учитывая эту ситуацию, Ильминский разработал для кряшен собственный алфавит на основе кириллицы. Это позволило перевести на кряшенский язык священные тексты и чины церковных служб, что, в свою очередь, привело к формированию церковно-кряшенского языка, на котором и велось обучение в крещено-татарских школах. Можно с уверенностью утверждать, что именно с появлением своего алфавита и письменности на нем кряшены перестали быть маргиналами в православном сообществе Российской империи.

**Второе
кряшенское
религиозное
возрождение**

Советские годы были для кряшенского национального движения временем «невидимости». Публично говорить о своей этнической принадлежности в тот период было сначала опасно (на пиках антирелигиозных кампаний), а потом просто проблематично, так как такой этнической категории, как кряшены, не существовало. Люди записывались либо татарами, либо русскими. Что касается религии, то тут действовали те же механизмы, что и у других верующих. От формальных религиозных институций вероисповедание «ушло в народ». В случае православия это было связано, в частности, с тем, что в СССР РПЦ фактически была сконструирована заново под патронажем партийных структур. Другими словами, строго контролируемый фасад религиозных учреждений был разрешен, но никаких отклонений от него не допускалось²⁰. Распространение религии происходило только через институт семьи.

²⁰ Tomlins
and Bulliyant (eds)
2017: 263.

Начало нынешнего этапа кряшенского национального движения принято отсчитывать с 1989 г., когда по инициативе протоиерея Павла Павлова были возобновлены богослужения на церковно-кряшенском языке, что стало одним из символов не только религиозного, но и общего кряшенского возрождения в России. Ведь хотя современные кряшены все меньше говорят на этом языке, он по-прежнему выполняет идентификационную функцию²¹.

²¹ Denisov 2019:
7467.

Важнейшую роль в этом процессе сыграл упомянутый выше протоиерей Павел Павлов, на протяжении многих лет бывший духовником Казанской епархии. В конце 1980-х годов на волне всеобщего возрождения православия в стране он взялся за восстановление православных традиций в кряшенской среде. Под его руководством был заново отстроен храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Казани, ставший духовным центром кряшенской общины. Продолжив дело Ильминского, отец Павел организовал и возглавил группу по переводу на кряшенский язык тех книг Священного Писания, которые не были переведены до революции. Являясь духовным лидером кряшен, он был бесспорным авторитетом для всей кряшенской общины. Согласно легенде, он лично крестил каждого второго кряшена в Татарстане.

Отец Павел был непосредственно связан и с деятельностью Церковно-общественного движения «Кряшенская духовная миссия», созданного в конце 1980-х годов под эгидой РПЦ и действующего по сей день. Кряшенская духовная миссия внесла немалый вклад в духовное

возрождение кряшен (открытие новых храмов, переводческая работа и др.), хотя ее иногда упрекают в недостаточной эффективности. В первую очередь речь идет о катастрофической нехватке священников, которые могли бы вести службы на церковно-кряшенском языке. По оценке Аркадия Фокина, «почти 90% населенных пунктов с кряшенским населением не имеют культовых объектов, а значит, и священнослужителей»²².

²² Фокин 2016а.

Понятно, что у такой ситуации есть объективные причины: кряшенское общество сейчас намного более секуляризовано, чем в начале XX в., и в нем не так легко найти желающих идти в семинарию и связывать свою жизнь с церковным служением. Однако дополнительных мер, способных привлечь молодых кряшен на эту стезю (специальные квоты при приеме в семинарию, повышенные стипендии, гарантии трудоустройства в родных селениях и т.п.), РПЦ не предпринимает.

Существует и еще одна причина скрытого недовольства Кряшенской духовной миссией — ее «элитизм». Давно замечено, что эта организация (и, шире, Татарстанская митрополия) предпочитает общаться не с рядовыми кряшенами, а со статусными общественными фигурами — главами муниципальных районов, депутатами представительных органов республиканского и муниципального уровней, членами Общественной организации кряшен (ООК) и бизнесменами.

Но, при всем недовольстве кряшенской общественности некоторыми аспектами деятельности Кряшенской духовной миссии, многие рассматривают РПЦ как главного союзника кряшен²³. Прежде всего это относится к ООК, позиционирующей себя в качестве официального представителя кряшенской общины. В некоторых случаях РПЦ даже выступает посредником между ней и органами государственной власти. Вместе с тем приходится констатировать, что в данном случае РПЦ отклоняется от чисто пастырской поддержки кряшен и действует скорее как политическая структура. Весьма показательна в этом плане встреча митрополита Феофана с председателем правления ООК и главами муниципальных районов в кряшенском приходе Тихвинской иконы Божией Матери, состоявшаяся 22 января 2020 г. Формально темой встречи были вопросы, связанные с духовным окормлением кряшен²⁴, однако на деле на ней обсуждалась предстоящая перепись населения, а также позиция РПЦ по так называемому «кряшенскому вопросу».

²³ Галиндабаева 2019: 13.

²⁴ Митрополит Феофан 2020.

Сомнительно, чтобы подобные встречи способствовали кряшенскому религиозному возрождению. По мнению ряда исследователей, РПЦ уделяет сегодня недопустимо мало внимания этнической проблематике, и, если она не повернется навстречу этническим меньшинствам и те не найдут в ней достойное для себя место, ее ждут серьезные конфликты²⁵.

²⁵ Filatov and Lunkin 2010: 376.

И действительно, уже сейчас можно говорить об определенном напряжении между Татарстанской митрополией и радикальным крылом кряшенского движения, которое упрекает митрополита Феофана в том, что он не проявляет готовности выступить в качестве самостоятельного

²⁶ *И все-таки 2016.*

актера в кампании за признание кряшен отдельным от татар народом. Такая позиция трактуется как нежелание «решать проблемы кряшен»²⁶.

²⁷ https://vk.com/wall-57462919?day=30092018&w=wall-57462919_4785.

Недовольство вызывает и отношение РПЦ к канонизации Ильминского, который на сегодняшний день имеет статус местночтимого святого. За канонизацию Ильминского выступает как умеренное, так и радикальное крыло кряшенского движения. Но если умеренные под руководством ООК не педалируют этот вопрос, то радикалы открыто обвиняют руководство митрополии в «преднамеренной нетеропливости» в его решении²⁷.

Отношения с органами власти Татарстана

В целом можно констатировать, что кряшенское движение пользуется поддержкой со стороны республиканских властей. После того как в 2007 г. его умеренное крыло институционализировалось в ООК, между кряшенской общественностью и властями Татарстана было выстроено продуктивное взаимодействие. Были выполнены многие из требований, выдвигавшихся кряшенами в ходе подготовки к переписи населения 2002 г. Так, в 2008 г. кряшены стали членами Ассамблеи народов Татарстана, что свидетельствует о признании их полноправной частью многонационального народа республики.

Заметно расширилось представительство кряшен в органах государственной власти и местного самоуправления. В районах компактного проживания кряшен в местных органах власти сейчас немало этнических кряшен.

Сотрудничество с республиканскими властями просматривается и по линии кряшенского религиозного возрождения. В частности, речь идет о предоставлении земельных участков для строительства храмов (само строительство ведется на частные пожертвования). За последние пять лет такие участки получили кряшенские православные общины Пестрецов, Нижнекамска, Набережных Челнов, Чистополя, Заинска и ряда других населенных пунктов.

Большую помощь кряшенской общине оказали власти в 2013 г., когда членами радикальной исламистской группировки «Чистопольский джамаат» были подожжены три кряшенских храма. Поджоги кряшенских храмов были признаны терактом, направленным на расшатывание этноконфессионального мира в Татарстане, виновники найдены и осуждены. Но помощь республиканских властей кряшенам, воспринявшим случившееся как личную трагедию, этим не ограничилась. В то время как лидеры ООК пребывали в растерянности, не зная, как реагировать на сложившуюся ситуацию²⁸, руководство Татарстана совместно с муниципальными образованиями изыскало средства на восстановление сожженных храмов. Так, на реконструкцию церкви в честь Рождества святого Иоанна Предтечи в селе Албай Мамадышского района из бюджета Татарстана было выделено 3 млн рублей²⁹. Храмы были восстановлены достаточно быстро, и на их открытии присутствовали первые лица республики.

²⁸ *Белоруссова 2019: 48.*

²⁹ *Татарстан 2014.*

Особо следует отметить роль руководства Татарстана как медиатора между православной и мусульманской общинами республики. Не вызывает сомнений, что именно благодаря его четким, своевременным и выверенным действиям в 2013 г. Татарстану удалось избежать масштабного кризиса в этноконфессиональных отношениях.

**Конфликт
с общиной
православных
татар Москвы**

Отдельного обсуждения заслуживают взаимоотношения кряшен с православными татарами, и прежде всего с их московской общиной.

Каждый год в январе в Москве проходят Рождественские чтения, на которых обсуждаются проблемы православного сообщества России. В 2017 г. по инициативе Московской татарской православно-христианской общины (МТПХО) в рамках Чтений была создана секция «Православные татары (крещеные татары, крещены, кряшены, нагайбаки). История. Миссия. Будущее православия среди татарского народа». Как видно из названия секции, ее организаторы попытались объединить татар, принявших православие одно-два поколения назад, с кряшенами и нагайбаками, которые являются христианами как минимум с XVI в., что вызвало резкую реакцию со стороны кряшен. Усмотрев в этой попытке «беспринципное, если не сказать наглое желание использовать кряшен в увеличении численности православных татар», руководитель Кряшенской духовной миссии Дмитрий Сизов обратился к «крещеным татарам» с призывом уважать «традиции и обычаи кряшен» и считаться с самоназванием народа, подчеркнув, что «большинство кряшен не разделяет сознательного смешения таких понятий, как „православные татары“ и „кряшены“»³⁰.

³⁰ Сизов 2017.

Отношения между кряшенами и московскими православными татарами еще больше накалились после ряда резонансных инициатив МТПХО, связанных с миссионерской деятельностью в татарском обществе. Существенная роль в такой деятельности отводилась кряшенам, которые должны были агитировать татар-мусульман к переходу в православие через соединение православных обрядов с исламскими, введя в своих церквях практику «развешивания шамаилей» (с цитатами из Библии), «снятия обуви перед входом в храм» и «совершения омовения перед молитвой»³¹.

³¹ Кряшены 2017.

В дополнении к этому глава МТПХО Динара Бухарова обратилась с открытым письмом к президенту США Дональду Трампу с просьбой отменить закон «О порабоженных народах», мотивируя ее тем, что отнесенные к таким народам татары, «будучи в составе русской общности, добровольно принимают православие и не считают себя порабоженными»³². Это обращение вызвало возмущение со стороны как татарской, так и кряшенской общественности. Татарская общественность обвинила Бухарову и МТПХО в «искажении истории татар» и поддержке российской политики ассимиляции, а кряшенская — в игнорировании стремления кряшен к признанию в качестве независимой от татар этнической группы³³.

³² Там же.

³³ Sibgatullina 2020: 141.

Не вдаваясь в детали конфликта между кряшенами и МТПХО, можно констатировать, что в его основе лежит прежде всего тот факт, что руководство МТПХО манипулирует кряшенским вопросом, включая кряшен в состав «православных татар» и без их ведома и согласия выступая от их имени. В связи с этим провокационные акции МТПХО начинают ассоциироваться с кряшенами. Не случайно после обращения Бухаровой к Трампу угрозы и гневные комментарии обрушились в том числе на кряшен³⁴. При этом подобные акции бросают тень на кряшен и в глазах татарстанских властей, вынуждая кряшенское движение доказывать свою непричастность к ним. Как отмечает зам. председателя правления ООК Людмила Белоусова, община православных татар Москвы ведет опасную игру, провоцируя как самих кряшен, так и татар-мусульман Татарстана³⁵.

³⁴ *Заменят ли*
2017.

³⁵ *Там же.*

Заключение

Итак, религия (в данном случае — православие) сыграла первостепенную роль в формировании самобытной кряшенской этнокультурной идентичности. Но тут важно подчеркнуть, что становление этого внутреннего самосознания стало возможным лишь благодаря целенаправленной кампании группы миссионеров во главе с Ильминским. Более того, можно с уверенностью утверждать, что они не достигли бы этого, если бы ограничились лишь проповедью православия среди кряшен. Результат дало совмещение проповеди с решением проблемы литературного языка и образования, что, в свою очередь, привело к появлению собственной кряшенской интеллигенции.

По данным социологических опросов, с православием сегодня отождествляют себя 96,2% кряшен³⁶. Без усилий Ильминского и его сподвижников мы едва ли имели бы сегодня такую картину, учитывая, что в середине XIX в. религиозная идентичность у кряшен была выражена слабо и они были маргиналами в православном сообществе. Вполне вероятно, что религиозный маркер идентичности полностью исчез бы в советское время и никакого религиозного возрождения в конце XX в. уже не случилось бы. А поскольку прослеживается прямая корреляция между религиозным возрождением и активизацией этнического потенциала кряшен, можно предположить, что в этих условиях не было бы и кряшенского субэтнического движения.

Кряшены бывают не только православными. Те же опросы показывают, что среди них есть и атеисты, и мусульмане, и неопределившиеся³⁷. Не так все однозначно и с называющими себя православными. По-настоящему воцерковленных кряшен не очень много, да и у них православие играет отнюдь не решающую роль, о чем свидетельствует показательное отмежевание от единоверцев из числа татар и русских. И в том, и в другом случае религиозное отступает перед этническим, и боязнь ассимиляции³⁸ оказывается важнее единства веры.

Таким образом, в религиозности кряшен вектор направлен не от религии к обществу, а от общества к религии. Их религиозная идентичность

³⁶ *Титова, Козлов*
и Патеев (ред.)
2017: 111.

³⁷ *Там же.*

³⁸ *McKinney,*
Zannoni, and
Sakaev 2017: 84.

инструментальна. В кряшенском сообществе крайне мало ультраре-
лигиозных людей, большинство кряшен настроено секулярно. Тем не
менее религия остается одним из важнейших маркеров их этнической
идентичности.

Библиография

- Альтерматт У. (2000) *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ.
- Атнагулов И.Р. (2016) «Этноязыковая характеристика нагайбаков в динамике XX — начала XXI века» // *Проблемы истории, филологии, культуры*, № 1: 314—323.
- Бедерсон В.Д. (2019) «Гражданские ассоциации как гаранты демократии и не только: история ассоциаций и их политической роли в транснациональной перспективе» // *Ars Administrandi (Искусство управления)*, т. 11, № 1: 176—183.
- Белоруссова С.Ю. (2019) «Сила кряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа» // *Сибирские исторические исследования*, № 2: 41—63.
- Галиндабаева В.В. (2019) «Концепция исторической памяти кряшен в Татарстане: элитарные версии истории и коллективная память» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, № 5: 10—16.
- Денисов А.Е. (2017) «Практика этнической мобилизации через призму теории национализма Джона Хатчинсона (на примере кряшенского движения)» // *Вестник Пермского университета. Политология*, № 4: 49—61.
- Денисов А.Е. (2019) «Символы кряшенского национального движения в контексте политики признания Чарльза Тейлора» // *Вестник Пермского университета. Политология*, № 3: 88—98.
- «Заменят ли кряшены свои иконы на православные шамаили?» (2017) // *Туганайлар*, 2.02. URL: <http://tuganaylar.ru/news/novosti/zamenyat-li-kryashenyi-svoi-ikonyi-na-pravoslavnyi> (проверено 29.06.2020).
- И все-таки со Святой горы разрешите вернуться на родину, к церковной ситуации в Татарстане.* (2016) URL: https://vk.com/kryasheny?w=wall-57462919_2923 (проверено 23.05.2020)
- Кириллова З.Н. (2016) «Перевод Библии на татарский язык как межкультурный и межрелигиозный диалог между народами» // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*, № 5: 679—683.
- «Кряшены Татарстана дистанцируются от общины православных татар Москвы, видя в их активности межнациональную провокацию». (2017) // *Kazanfirst*, 3.02. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/366103> (проверено 23.10.2020).
- Митрополит Феофан обсудил с главами районов вопросы развития жизни кряшен Татарстана.* (2020) URL: https://tatmitropolia.ru/newses/eparh_news/es/kaznews/?id=71887 (проверено 23.05.2020).
- Сизов Д. (2017) «Между нами не может быть братской любви» // *Туганайлар*, 24.01. URL: <http://tuganaylar.ru/news/novosti/mezhdu-nami-ne-mozhet-byit-bratskoj-lyubvi> (проверено 29.06.2020).

Татарстан: восстановлен первый из сожженных осенью кряшенских храмов. (2014) URL: <https://pravoslavie.ru/72127.html> (проверено 29.06.2020).

Титова Т.А., В.Е.Козлов и Р.Ф.Патеев, ред. (2017) *Гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан: Сборник научных трудов.* Казань: Изд-во «Артифакт».

Фокин А. (2016а) «Кряшенская духовная миссия в Татарстане: предназначение и перспективы» // *АПН*, 12.02. URL: <https://www.apn.ru/publications/article34679.htm> (проверено 23.05.2020).

Фокин А.В. (2016b) «Истоки и становление христианского образования кряшен: от монастырских школ до духовной академии» // *Кряшенское историческое обозрение*, № 2: 78—85.

Хайбуллина Г.Х. (2013) *Этнолингвистические особенности татарских говоров западного Закамья Татарстана.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова.

Cantoni D., J.Dittmar, and N.Yuchtman. (2018) «Religious Competition and Reallocation: the Political Economy of Secularization in the Protestant Reformation» // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 133, no. 4: 2037—2096.

Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World.* Chicago, London: University of Chicago Press.

Casanova J. (2001) «Civil Society and Religion: Retrospective Reflections on Catholicism and Prospective Reflections on Islam» // *Social Research*, vol. 68, no. 4: 1041—1080.

Casanova J. (2009) «Nativism and the Politics of Gender in Catholicism and Islam» // Herzog H. and A.Braude, ed. *Gendering Religion and Politics.* New York: Palgrave Macmillan: 21—50.

Casanova J. (2014) *Secularisation, Religion and Multicultural Citizenship.* URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/52f7/5abb06a6e7614e222918a6a5bb637fa83c3e.pdf> (accessed on 23.05.2020).

Casanova J. (2019) «Global Religious and Secular Dynamics: The Modern System of Classification» // *Brill Research Perspectives in Religion and Politics*, vol. 1, no. 1: 1—74.

Delanty G., J.Hutchinson, U.Ozkirimli, and A.Wimmer. (2008) «Debate on John Hutchinson's Nations as Zones of Conflict» // *Nations and Nationalism*, vol. 14, no. 1: 1—28.

Denisov A. (2019) «„Kryashen Language“ as One of the Symbols of Kryashen's Front» // *International Journal of Engineering and Advanced Technology*, vol. 9, no. 1: 7468—7471.

Filatov S. and R.Lunkin. (2010) «„My Father's House Has Many Mansions“: Ethnic Minorities in the Russian Orthodox Church» // *Religion, State and Society*, vol. 38, no. 4: 361—378.

Hutchinson J. (2005) *Nations as a Zone of Conflict.* London: Sage Publications.

Martin D. (2005) *On Secularization: Towards a Revised General Theory.* Aldershot: Ashgate Publishing Limited.

McKinney S.J., F.Zannoni, and V.Sakaev. (2017) «The Challenges of the Integration of Religious Minorities: Case Studies in the EU and Russian Federation» // *Researches in Religious Studies*, vol. 16, no. 2: 72–107.

Sibgatullina G. (2020) *Languages of Islam and Christianity in Post-Soviet Russia*. Amsterdam: Brill.

Taylor Ch. (1994) «The Politics of Recognition» // Gutmann A., ed. *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press: 25–73.

Tomlins S. and S.Bullivant, eds. (2017) *The Atheist Bus Campaign: Global Manifestations and Responses*. Leiden: Brill.

Wibisono S., W.Louis, and J.Jetten. (2019) «The Role of Religious Fundamentalism in the Intersection of National and Religious Identities» // *Journal of Pacific Rim Psychology*, vol. 13, no. 12: 1–12.

A.E.Denisov

RELIGIOUS REVIVAL AS BASIS OF THE MODERN KRYASHEN NATIONAL MOVEMENT

Andrey E. Denisov — Research Fellow at the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan). Email: Count-Denisov@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the religious factor in the development of the sub-ethnic national movement studying the case of the Kryashens. The study is based on Jose Casanova’s concept of the religious revival. Following Casanova, the author assumes that religious identity can become the basis of an ethnic identity only if religion transforms from a state-oriented institution into an institution oriented towards the society and actively participating in its improvement. At the same time, revealing the dynamic nature of the formation of the (sub)ethnic groups, the author relies on the ethnosymbolic concept of John Hutchinson, which focuses on the importance of the ethnically significant symbols. In the case of the Kryashens a religious marker represents such a symbol.

The article examines in detail two stages of the Kryashens’ religious revival. The first stage occurred in the second half of the 19th century and was associated primarily with the missionary activity of Nikolay Ilminsky. The second stage started in 1989 and continues today. The research carried out by the author lends unequivocal support to the idea that religion played a key role in the formation of an original Kryashen ethno-cultural identity. At the same

time, it shows that within Kryashens' religiosity the vector is directed from society to religion rather than from religion to society. Their religious identity is instrumental. However, although there are very few ultra-religious people in the Kryashen community and most of the Kryashens are secularized, religion remains one of the most important markers of their ethnic identity.

Keywords: identity, Kryashens, nationalism, national movement, religious revival, Russian Orthodox Church, ethnopolitical mobilization

References

- Altermatt U. (2000) *Etnonatsionalizm v Evrope* [Ethnonationalismus in Europa]. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Atnagulov I.R. (2016) "Etnojazykovaja kharakteristika nagajbakov v dinamike XX — nachala XXI veka" [Etno-linguistic Characteristics of the Nagaybaks in the Dynamics of the 20th — Beginning of the 21st Century] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], no. 1: 314—323. (In Russ.)
- Bederson V.D. (2019) "Grazhdanskije assotsiatsii kak garanty demokratii i ne tol'ko: istorija assotsiatsij i ikh politicheskoj roli v transnatsional'noj perspektive" [Civil Associations as Guarantors of Democracy and More: the History of Associations and Their Political Role in the Transnational Perspective] // *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 1: 176—183. (In Russ.)
- Belorussova S.Yu. (2019) "Sila krjashen: virtual'naja zhizn' nepriznanogo naroda" [The Power of the Kryashens: the Virtual Life of an Unrecognized People] // *Sibirskie istoricheskie issledovanija* [Siberian Historical Research], no. 2: 41—63. (In Russ.)
- Cantoni D., J.Dittmar, and N.Yuchtman. (2018) "Religious Competition and Reallocation: the Political Economy of Secularization in the Protestant Reformation" // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 133, no. 4: 2037—2096.
- Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Casanova J. (2001) "Civil Society and Religion: Retrospective Reflections on Catholicism and Prospective Reflections on Islam" // *Social Research*, vol. 68, no. 4: 1041—1080.
- Casanova J. (2009) "Nativism and the Politics of Gender in Catholicism and Islam" // Herzog H. and A.Braude, ed. *Gendering Religion and Politics*. New York: Palgrave Macmillan: 21—50.
- Casanova J. (2014) *Secularisation, Religion and Multicultural Citizenship*. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/52f7/5abb06a6e7614e222918a6a5bb637fa83c3e.pdf> (accessed on 23.05.2020).
- Casanova J. (2019) "Global Religious and Secular Dynamics: The Modern System of Classification" // *Brill Research Perspectives in Religion and Politics*, vol. 1, no. 1: 1—74.
- Delanty G., J.Hutchinson, U.Ozkirimli, and A.Wimmer. (2008) "Debate on John Hutchinson's Nations as Zones of Conflict" // *Nations and Nationalism*, vol. 14, no. 1: 1—28.

Denisov A.E. (2017) “Praktika etnicheskoy mobilizatsii cherez prizmu teorii natsionalizma Dzhona Khatchinsona (na primere krjashenskogo dvizhenija)” [Practice of Ethnic Mobilization through John Hutchinson’s Theory of Nationalism (a Case Study of the Kryashens’ Movement)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 4: 49–61. (In Russ.)

Denisov A. (2019) “„Kryashen Language“ as One of the Symbols of Kryashen’s Front” // *International Journal of Engineering and Advanced Technology*, vol. 9, no. 1: 7468–7471.

Denisov A.E. (2019) “Simvolj krjashenskogo natsional’nogo dvizhenija v kontekste politiki priznanija Charl’za Tejlora” [Symbols of the Kryashen National Movement in the Context of Charles Taylor’s Politics of Recognition] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 3: 88–98. (In Russ.)

Filatov S. and R.Lunkin. (2010) “„My Father’s House Has Many Mansions“: Ethnic Minorities in the Russian Orthodox Church” // *Religion, State and Society*, vol. 38, no. 4: 361–378.

Fokin A. (2016a) “Krjashenskaja dukhovnaja missija v Tatarstane: prednaznachenie i perspektivy” [Kryashen Religious Mission in Tatarstan: Purpose and Prospects] // *APN* [Agency of Political News], 12.02. URL: <https://www.apn.ru/publications/article34679.htm> (accessed on 23.05.2020). (In Russ.)

Fokin A.V. (2016b) “Istoki i stanovlenie khristianskogo obrazovanija krjashen: ot monastyrskikh shkol do dukhovnoj akademii” [Origins and the Development of Christian Education of Kryashens: from Convent Schools to Theological Academy] // *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie* [Kryashen Historical Review], no. 2: 78–85. (In Russ.)

Galindabaeva V.V. (2019) “Kontseptsija istoricheskoy pamjati krjashen v Tatarstane: elitarnye versii istorii i kollektivnaja pamjat” [Concepts of Historical Memory of Kryashen in Tatarstan: Elitist Versions of History and Collective Memory] // *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], no 5: 10–16. (In Russ.)

Hutchinson J. (2005) *Nations as a Zone of Conflict*. London: Sage Publications.

I vse-taki so Svjatoj gory razreshite vernut’sja na rodinu, k tserkovnoj situatsii v Tatarstane [And Yet, Let Me Return to My Homeland from the Holy Mountain, to the Church Situation in Tatarstan]. (2016) URL: https://vk.com/kryasheny?w=wall-57462919_2923 (accessed on 23.05.2020). (In Russ.)

Khaibullina G.Kh. (2013) *Etnolingvisticheskie osobennosti tatarskikh govorov zapadnogo Zakam’ja Tatarstana* [Ethno-linguistic Features of the Tatar Dialects of the Western Zakamye of Tatarstan]. Abstract of Ph.D. diss. Kazan: G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. (In Russ.)

Kirilova Z.N. (2016) “Perevod Biblii na tatarskij jazyk kak mezhhul’turnyj i mezhreligioznyj dialog mezhdju narodami” [Translation of the Bible into Tatar Language as Cross-cultural and Interreligious Dialogue between the Peoples] // *Dinamika jazykovykh i kul’turnykh protsessov v sovremen-*

noj Rossii [Dynamics of Language and Cultural Processes in Modern Russia], no. 5: 679–683. (In Russ.)

“Kryasheny Tatarstana distantsirujutsja ot obshchiny pravoslavnykh tatar Moskvy, vidja v ikh aktivnosti mezhnatsional’nuju provokatsiju” [Kryashens of Tatarstan Distance Themselves from the Community of Orthodox Tatars in Moscow, Seeing Their Activity as an Interethnic Provocation]. (2017) // *Kazanfirst*, 3.02. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/366103> (accessed on 23.10.2020). (In Russ.)

Martin D. (2005) *On Secularization: Towards a Revised General Theory*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited.

McKinney S.J., F.Zannoni, and V.Sakaev. (2017) “The Challenges of the Integration of Religious Minorities: Case Studies in the EU and Russian Federation” // *Researches in Religious Studies*, vol. 16, no. 2: 72–107.

Mitropolit Feofan obsudil s glavami rajonov voprosy razvitiya zhizni krjashen Tatarstana [Metropolitan Feofan Discussed the Development of Life of the Kryashens of Tatarstan with the Heads of Districts]. (2020) URL: https://tatmitropolia.ru/news/eparh_news/kaznews/?id=71887 (accessed on 23.05.2020). (In Russ.)

Sibgatullina G. (2020) *Languages of Islam and Christianity in Post-Soviet Russia*. Amsterdam: Brill.

Sizov D. (2017) “Mezhdu nami ne mozhet byt’ bratskoj ljubvi” [There Can Be No Brotherly Love between Us] // *Tuganajlar* [Relatives], 24.01. URL: <http://tuganaylar.ru/news/novosti/mezhdu-nami-ne-mozhet-byit-bratskoy-ljubvi> (accessed on 29.06.2020). (In Russ.)

Tatarstan: vosstanovlen pervyj iz sozhzhennykh osen’ju krjashenskikh khramov [Tatarstan: the First of the Kryashen Temples Burned in the Autumn Has Been Restored]. (2014) URL: <https://pravoslavie.ru/72127.html> (accessed on 29.06.2020). (In Russ.)

Taylor Ch. (1994) “The Politics of Recognition” // Gutmann A., ed. *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press: 25–73.

Titova T.A., V.E.Kozlov, and R.F.Pateev, eds. (2017) *Garmonizatsija mezhetnicheskikh i mezkhkфессионаl’nykh otnoshenij v Respublike Tatarstan: Sbornik nauchnykh trudov* [Harmonization of Inter-ethnic and Inter-confessional Relations in the Republic of Tatarstan: Collection of Scientific Papers]. Kazan: Izd-vo “Artifakt”. (In Russ.)

Tomlins S. and S.Bullivant, eds. (2017) *The Atheist Bus Campaign: Global Manifestations and Responses*. Leiden: Brill.

Wibisono S., W.Louis, and J.Jetten. (2019) “The Role of Religious Fundamentalism in the Intersection of National and Religious Identities” // *Journal of Pacific Rim Psychology*, vol. 13, no. 12: 1–12.

“Zamenjat li krjasheny svoi ikony na pravoslavnye shamaili?” [Will the Kryashens Replace Their Icons with Orthodox Shamaili?]. (2017) // *Tuganajlar* [Relatives], 2.02. URL: <http://tuganaylar.ru/news/novosti/zamenyat-li-kryashenyi-svoi-ikony-na-pravoslavnyi> (accessed on 29.06.2020). (In Russ.)